

ОДНОКОМНАТНОЕ

НЕ
БО

МАКСИМИЛИАН
НЕАПОЛИТАНСКИЙ

Максимилиан Неаполитанский

Однокомнатное небо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42596586

ISBN 9785449680693

Аннотация

«Однокомнатное небо» – это сборник философских рассказов, это букет смыслов и идей, аромат которых может почувствовать внимательный читатель. Это праздник, состоящий из вереницы событий, судеб, встреч, путешествий... В каждом рассказе скрыт символ, и в приобщении к этим символам обретается ощущение радости перед всем миром и всей жизнью.

Содержание

Предисловие	5
Друг пространства	8
Снежная поляна	15
Иные облака	20
Три слова влево	23
Встреча	30
Пожар	33
Однокомнатное небо	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Однокомнатное небо

Максимилиан Неаполитанский

© Максимилиан Неаполитанский, 2019

ISBN 978-5-4496-8069-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Можно так: проза есть пересказанная поэзия. В этом случае весь сборник «Однокомнатное небо» представляет собой собрание историй, в основе которых лежит поэтическая мысль. Поэтическая мысль как первая или последняя строчка стихотворения, как ёмкий афоризм или цитата, как народная частушка или японское хокку. Для определения поэтической мысли у каждого рассказа есть эпитафия – идейная концентрация и предвосхищение будущей истории.

Можно так: рассказ есть выражение любви к жизни. Или лучше: ощущение своего родства с жизнью. Потому что рассказчик – автор, наблюдатель, экспериментатор, – чтобы описать хотя бы малую часть жизни, должен сначала полюбить её. Сделать так, чтобы жизнь стала его сестрой. Отсюда некая всеобщность и ликование – отсюда мысли о закате прошлого и предвкушение нового. Ещё: предвкушение лета. Потому что лето – второе рождение каждого года. Год наступает с началом января – рождается, наступает лето – год рождается второй раз, наконец получая право ожить по-настоящему, не астрономически. В каждом рассказе есть традиционная (как известный приём) деталь – и в этих деталях, аллюзиях, ссылках и отсылках тоже скрыто ощущение радости перед всем миром и всей жизнью.

Можно так: рассказ смывает рамки между реальностью

и сном, между бытием и сознанием. Что же я (автор) сделал? Описал *наш* общий мир или придумал свой? Если придумал свой, то там вполне мог и стереть случайные рамки: преднамеренно ввести героя в состояние гипноза. И вот он – мой герой – ищет что-то, ищет и наконец находит – идею, смысл, цель, высокую болезнь. Когда герой ищет – это называется сюжет, когда находит – жизнь. Потому что найдя, он уже не мой герой, он принял мою помощь, позволил провести его, но потом отдалился от меня и стал сразу для всех. Герой нашёл – сюжет закончился, и уже каждый читатель вправе продолжить вести героя, вправе впустить его в свою память, предложить ему где-нибудь место и там оставить. Это опять же стирание рамок.

Можно так: рассказ есть наша жизнь, запечатлённая в слове. Художественная фотография художественных моментов жизни. Потому что в каждом рассказе: человек, друг, брат, знакомый, коллега – все они настоящие. Все они когда-либо были мной или были *со мной*. И в каждом было что-то оригинальное, поэтическое, историческое, открытое миру и художнику. Если бы они знали много художников, то – я уверен – каждый из этих художников запечатлел бы их, сохранил: на холсте, на бумаге, в слове, в памяти... Отсюда обращение к каждому индивидуально, отсюда послание, сообщение, намёк, внутренний диалог на расстоянии.

Диалог с помощью символов, смыслов, высказываний и открытых мыслей.

Безначальный диалог художника с жизнью, с миром и – самое главное – с читателем.

Друг пространства

Льёт дождь. Да будет так же свят...
Б. Пастернак

Помню – осенний холодный воздух. Воздух не может падать, но в тот день он именно падал – падал на тротуары прямых улиц, на прямые мосты, на прямые перила, на прямые дроги и – на сгорбившихся прохожих. Прохожих, похожих на настоящих людей – они смотрели вниз, но были живыми, не серыми – разное серыми, серыми с мыслью, с размышлением, со смыслом. Воздух падал на них, и казалось, давил – с тяжестью, с грузностью, беспощадно и уже – бессмысленно. Зачем воздуху это надо? Прохожие – люди – точно рады были бы отказаться от такого воздуха.

По тротуару прямых улиц шёл Еремеев – друг многих прохожих, в том числе и наш друг. Такие друзья – особенные, редкие. Редкие – потому что торопятся и всегда пропадают, могут пропасть надолго. Особенности – потому что их, таких, как Еремеев – мало. Все всегда рядом с нами, часто – излишне близко, а он – и тут одновременно, и нет.

Еремеев и в тот день торопился. Торопился, обгонял своих друзей, не поддавался воздуху, иногда даже слишком ускорялся. Когда слишком ускорялся – ловил недовольные взгляды прохожих, которые ещё не успели стать его друзьями-

ми. Если бы стали, то всё бы поняли – и заодно стали бы нашими друзьями, потому что Еремеев следовал правилу: друг Еремеева – друг его друзей. Благодаря этому правилу образовалась целая сеть – друзей.

Осень рождала некоторые иллюзии в Еремееве – ему хотелось повспоминать тёплые вечера, уходящую жару, те приятные и загадочные сумерки. Густые сумерки с густой тёмно-зелёной листвой. Тогда было хорошо: листва была пространством, сумерки – светом, люди – кораблями, и всё это создавало систему – космическую ли, летнюю ли?

Иллюзии не мешали идти – наоборот, заставляли. Точнее – тянули, поднимали и вели. Из-за них, наверное, Еремееву не был страшен тяжёлый воздух. Он вспомнил ещё и летний дождь – самый лучший из дождей. Ибо этот дождь, который оживляет всех и всё, шумом своим, мощью своей перекрывает внутренний дождь грустных людей, – и Еремеев знал это. И ему хотелось, чтобы сейчас пошёл такой дождь, потому что вокруг было много грустных.

Еремеев сел в автомобиль. Он сказал слова приветствия шофёру, назвал ему своё имя и крепко пожал ему руку, как новому другу. Здания стали плыть за окном – волнительно, криво, разворачиваясь, отдаляясь и приближаясь. Поворот – и Еремеев чувствовал свободу, улица расширялась. Выехали на мост. Мост обнял автомобиль – и вода очень приблизилась. За мостом, тоже у самой воды – дворец. Автомобиль остановился на площади. На площади была толпа – особен-

ная толпа из туристов, экскурсоводов и городских путешественников.

Оказавшись рядом с дворцом, Еремеев захотел взглянуть на него как бы в первый раз. Будто он – турист. Но не получилось – дворец тоже был другом Еремеева, даже могу сказать: лучшим другом. Мы разве можем вновь познакомиться с лучшими друзьями?

Вдруг начался дождь. К сожалению, не летний – морской. Он не был солёным, но цвет его, тяжесть его, томность, – всё это приближало дождь – ливень – к состоянию морской бури. Еремеев был без зонта, в одном плаще, но не торопился скрываться от воды. Вода, знал Еремеев, – жизнь. Другие люди укрывались, утеплялись, ускорялись и – исчезали. Некоторые из них тоже были друзьями Еремеева и предлагали ему зонт, но он отказывался.

Минут через семь Еремеев взглянул на часы: пора. Он направился к жёлтому зданию, на встречу.

Его уже ожидали – высокий человек с тёмными глазами и ровным взглядом. Или – лучше – с ровными глазами и тёмным взглядом. Потому что – глаза хоть как-то можно было определить, а взгляд – нет. Было смешно – разве могут эти вещи существовать отдельно?

Высокий человек был удивлён промокшему виду Еремеева, но Еремеев всё объяснил. Оказалось тоже смешно. Они пошли по длинному коридору – вглубь, вдаль, вместе, ровным шагом. На стенах – картины, на картинах – вожди.

Не только одной страны, не только одного периода или эпохи – вожди истории. Те люди, которые за собой историю ведут, как собаки-поводыри слепых. И за этими вождями – слова, идеи, идеологии, идиомы, слова, люди. Слова и люди – вот где хранятся вожди. Ещё на картинах, но больше – нигде. Еремеев думал об этом и хотел начать про это беседу с высоким человеком, но опоздал – подошли к нужной двери.

За дверью – большой зал. Большой зал с пустым круглым столом. Точнее, пустой зал с полным столом, потому что вокруг стола всё сосредоточено. Все девять человек – вокруг стола. И им кажется, думал Еремеев, что весь мир тоже – вокруг стола. И в пиджаке. Таких – застольных – друзей Еремееву иметь не хотелось, но он всё равно пожал всем руки, назвал своё имя.

Начались вопросы: вопросные вопросы о вопросах. Долго – очень, бессмысленно – очень – и очень скучно. Еремеев нашёл себе развлечение – придумал каждому пиджаку новое имя. С пиджаками – и их хозяевами – стал сочинять сюжет. Получилось интересно. Получилось даже несколько уровней, но Еремеева отвлекли. Спросили – опять вопрос: что делать? Точнее спросили, конечно, уточнили, но по смыслу – исключительно это. Еремеев тоже ответил вопросом: а что дальше? Он назвал пути планового и внепланового развития, корреляцию общих процессов, но по смыслу – исключительно это. А что дальше?

А дальше встреча закончилась. Мир стал чуточку ши-

ре – больше, чем круглый стол. Люди стали расходиться, ещё о чём-то договаривались. Кто-то предложил подвезти Еремеева, но Еремеев отказался – торопился. Пешком было быстрее.

Уже стемнело. Точнее, свечерело. Потому что стемнеть может в деревне, в лесу, в поле, а в городе, к сожалению, ночь светлее дня. Поэтому определение по времени – уже был вечер. Еремеев с благодушием вспомнил деревенские ночи. Ночи смольные, иногда свежие, иногда – душные, летние. Дождь к вечеру перестал, иссяк. Но стало холоднее – жить стало лучше, потому что холод загоняет в дом. А дома в городе часто лучше, чем на улице. И Еремеев знал про это, и торопился – домой.

Теперь ветер добавлял скорости. Ветер прогнал тяжёлый воздух, поставил на его место колья и копья. Ветер стрелял стрелами – холодно, со всех четырёх сторон стрелял. Еремеев вышел на улицу с киосками. Улица была одинокой, хотя на ней было множество людей – всё потому, что люди были одинокими. Ну кто же в такой холодный вечер будет разглядывать витрины киосков? Такое: развлечение; такое: одиночество.

Интересно, что такие вечера очень плохо запоминаются. Еремеев, друг наш, тоже неожиданно оказался один. Один – на одной из тихих улиц. Вдруг – рука. Кто-то взял его руку. Друг? Скорее – подруга. Взяла и ничего не сказала. Но знала: наверняка – можно. Шли долго, шли вместе, молчали. Фона-

ри – молчали, жёлтый свет – молчал. Еремеев хотел сказать, что он почти пришёл и ему пора заворачивать, но – промолчал. Рука в руке – говорить нельзя.

У моста всё пропало. Приблизилась вода – вновь – и всё забрала. Точнее, прогнала. А ветер ей помог. Еремеев теперь шёл один. И был – один на один с мостом. Нужно было его преодолеть – для прогулки, а потом – сразу домой. Сразу в тепло.

Ветер усилился, мост, казалось, удлинился. Стал длиннее того коридора, важнее круглого стола. Мост был интересным, но на нём – снова – не было ни одного друга Еремеева.

Вдруг кто-то появился. Друзья ли? Три силуэта – стремительных, неузнаваемых. Куда они? Они – к Еремееву, за Еремеевым. Теперь его взяли крепкие руки. Целых шесть рук – грубых рук, тёмных. Сейчас бы вернуться к той руке, которая привела его сюда, к мосту.

Шесть рук не по-дружески взяли Еремеева, и ему нельзя было двинуться – невозможно. Конец? Нет, ещё мгновение – вода ещё ближе. Мост – всё дальше, земля, твердыня – дальше, жизнь – дальше. Воздух будто сопротивлялся, Еремеев – летел. Вниз. И вот – в низу самом – удар, и больше ничего, никаких мыслей.

Нет, одна мысль – где он, Еремеев? А он – в автомобиле, по-прежнему. И воздух из открытого окна бьёт по нему. А он – в автомобиле, едет туда же – на площадь. Стало радостно – и страшно. На предстоящую встречу Еремеев ре-

ШИЛ НЕ ХОДИТЬ.

Снежная поляна

И грань, и света след...

Геворг родился близ Кавказских гор. Самым ярким воспоминанием о его юности было происшествие на озере. Как раз тогда он столкнулся со странной гранью: с одной стороны этой грани была жизнь – со смехом, с радостью от солнца, со стремлениями, с играми, с песнями весёлыми, а с другой стороны – смерть. Они вошли в воду все вместе – пять соседей. Геворг плавал плохо, но хотел быть первым в соревновании – кто дальше. Он отплыл к середине озера – к чёрной середине, беззвучной – и вдруг почувствовал, что не может двигаться. Многие пролетело в мыслях Геворга, многое вылетело, ушло из его мыслей – все лишние вопросы. Но родились два вопроса, которые были больше – в десять тысяч раз больше – всех предыдущих: что будет дальше и зачем это? Без пояснений, в такой изначальной форме. Геворга спас турецкий рыбак.

Геворг родился близ Кавказских гор, но всегда тяготился местом своего рождения, и поэтому, достигнув нужного возраста, уехал из дома родителей. Он по-прежнему был в атмосфере юности, вокруг него была юность – внешним планом. Внутри же – состояние перехода, поиска нужных ответов на ненужные вопросы. Или наоборот? Геворг пытал-

ся это определить, обращался к горным отшельникам, к священникам, к учителям, но вокруг них была юность, и внутри них – в словах, в мыслях, в мотивах – тоже. Геворг думал, что люди севера другие. Что так влияет солнце, природа, животные, быт – всё расслабляет, обновляет постоянно и делает юным. Геворгу хотелось узнать твердь, мёрзлую землю, лёд, вьюгу... И он поехал учиться на север. Учиться и вместе с этим – работать.

Он поступил в институт и устроился работать сторожем. Было очень удобно – маленький домик, почти будка, стал настоящим домом. Геворг занимался своими делами – читал, конспектировал, писал, учил и попутно следил за порядком. Следить за порядком на самом деле приходилось мало: его сторожевой дом находился за чертой города, в большом, даже не огороженном забором поле. Кому принадлежало поле и зачем нужно было его охранять, Геворг не знал. Это заснеженное, вечно холодное поле было огромным – белый океан, – и казалось, что за ним кончается всё: город, страна, планета, жизнь. Горизонт был ровным, уходил далеко, края поля – тоже. Только знающий человек мог понять, что справа, километров через десять, можно увидеть первые жилые и нежилые дома – окраину города. Дорога упиралась в поле и дальше не шла. Смена Геворга начиналась вечером пятницы и заканчивалась утром понедельника. Остальное время он был в городе, учился. Он любил в воскресное утро выходить из своего сторожевого дома и смотреть вдаль – на снеж-

ную поляну. Так он назвал это белое неясное пространство. А что, если на другом конце действительно всё кончается? Это очень интересовало Геворга, у него был мировоззренческий интерес – самый опасный из всех интересов. Вдруг это поможет ответить на большие вопросы? Большое поле – снежная поляна – и большие вопросы.

В одну из смен, в субботний день, Геворгу позвонили на служебный телефон. Голос в трубке неразборчиво кричал, приказывал – именно приказывал – как можно быстрее идти. Геворг удивился:

– Куда?

Голос пояснил, что нужно срочно одеться, выйти из будки и идти прямо, как обычно. Но дело было в том, что Геворг никогда не ходил прямо. Он приезжал с восточной части поля, справа, заходил в свой сторожевой дом и больше не передвигался, хотя очень хотел. А тут такое – властное – распоряжение. Геворг был удивлён и рад. Он быстро надел тёплые сапоги, длинную рабочую шубу, шапку, шарф, свои кожаные перчатки и затем вышел, заперев дверь на ключ. В тот день насилу рассвело, и вся снежная поляна до сих пор была покрыта дымкой. Не было видно горизонта. Геворг взял с собой компас – в первый раз он использовал этот инструмент. Была середина зимы – холод.

Он шёл очень долго, шёл прямо. Но со временем снег становился всё глубже, а твёрдая истинная земля – всё дальше. Ноги пропадали, проваливались почти до колен. Долго Ге-

ворг был рад вызову – вызову пространства. Он начинал верить, что там, за снежной поляной, действительно всё кончается. А может быть, там он опять встретится с той самой гранью? В какой-то момент Геворгу стало казаться, что идёт не он – идёт история, эпоха, век идёт. А он просто смотрит и не понимает, когда всё закончится. Началась вьюга. Эта была первая настоящая вьюга на памяти Геворга – колкая, сносящая, сильная, страшно поющая, точнее, завывающая. С такой вьюгой Геворг давно желал встречи. Он не планировал, правда, что встреча так затянется, так утомит его. Вьюга оказалась невежливым, неучтивым собеседником. Вскоре радость, ликование Геворга сменились радостью упорства – вот дойду до конца, и там будет радость, а пока потерпеть, потерпеть. Но и радость упорства была недолгой – каждый шаг как новое рождение, вздох – удар. Мука от каждой новой, однообразной встречи с миром – со снежной поляной. Даже не с поляной уже – с полем, с покровом, с планетой. Слишком много – долго. Геворгу начало казаться, что скоро он уже дойдёт, потому что он чувствовал приближение той грани. Назад возвратиться нельзя – следы замело, уже всё далеко. Он начал проваливаться, казалось, по пояс. Но всё равно шёл. Вдруг – вторая встреча с гранью, уже тут, на севере, в холоде, даст ответы на большие вопросы? Но пригодятся ли ему уже эти ответы? Последние шаги, думал он, силы последние. Геворг, хотя и медленно, ещё двигался вперёд, взгляд его был опущен. Вдруг – момент – он увидел на сне-

гу следы, которые вьюга ещё не успела скрыть. Эти следы – спасение. И самое главное – они шли прямо.

Иные облака

Н. Ж.

...смотри случайно

Вс. Некрасов

Тогда был странный вечер: летний, но с осенью, тёплый, но с порывами свежести. Кто нёс эту свежесть? Точно не ветер, точно не закатное солнце. Мы шли уже долго, шли степью, один раз переправились через реку. Нас было мало, трое: я, профессор и его помощник. Большую часть пути молчали. Не хотелось говорить. Сказать слово тут – значит оказаться под подозрением природы. Зачем покой нарушаешь, суетишься? – может спросить она. Отвечать ей будет неловко, у нас нет оправданий.

Дошли до низкого холма. Этот холм – рубеж. Посмотрели друг на друга и всё-таки решили рискнуть, и одновременно как-то заговорили. Я предложил остановку. Остальные согласились. Поставили рюкзаки на сухую землю, стали доставать постилки и провизию. Приятен был такой отдых. Хотя даже не отдых – труд. Просто труд не своими силами, а силами земли. На этой земле почти ничего не растёт – короткая травка песчаных оттенков, колкие кустарники с серо-лиловыми листьями и бирюзовыми бутонами, которые отдают силу, набранную за весь день, ароматами дикого розмарина

и каменной влаги. Откуда здесь такое разнообразие? Море, любые водоёмы далеко, высокогорная местность – тоже. Тогда был странный вечер...

Походного костра у нас не было. Казалось, закат затянулся. Долго розовело небо, долго солнце стояло над степью. Стали говорить об археологических раскопках. Затем профессор обратил внимание на облака и начал свой рассказ. Рассказ был связан с облаками. В молодости профессор не раз оказывался на юге. Он имел там друга – хорошего друга, но грешного. Друг звал профессора к себе в небольшой домик у моря, но всегда оказывался пьян, когда приходил профессор. Пьян не напитками – южным угаром. Желанием петь, говорить и радоваться без ликования. Плоха такая радость, знал профессор. Они часто сидели на балконе и смотрели в бинокль на прохожих, на лодки, на пейзажи. Но один раз друг предложил профессору поднять бинокль на небо и посмотреть, как исчезают облака. Как исчезают? Неужели облака зависят от нашего взгляда, от того, что мы за ними наблюдаем? Оказалось – да. Бинокль оказался ружьём, от выстрелов которого небо теряет своих белых воинов. Человек – прекрасный стрелок, если умеет сосредоточенно смотреть.

Я не поверил рассказу профессора. Слишком романтично и мистично. Не могут облака исчезать от нашего взгляда. Почему, если смотреть на них долго, они растворяются, расплываются, распадаются? Что с ними происходит? Это-

го профессор не стал объяснять, но предложил мне самому проверить и убедиться в правдивости его истории. У нас не было с собой бинокля. Помощник профессора сказал:

– А я и так верю.

Не помню теперь, чем закончился тот странный вечер, но через шесть лет, после праздника в моём доме, я заметил, что кто-то из гостей забыл бинокль. Зачем было его приносить? Плато воспоминаний надвинулось на меня – не только наш поход с профессором и его помощником, но и многие события того времени – времени ясной юности и матовых перемен. К чему привели те перемены? Я поторопился взять оставленный бинокль, надел пальто и вышел на участок. Никого не было – пустая беседка, клумбы и облака. Я стал всматриваться. В объектив попала небольшая белёсая горка, которая никуда не двигалась. Даже не плыла, как бывает обычно. Через минуту – исчезла. Я убрал бинокль, без дополнительной помощи посмотрел на то место в небе. Я повторил действие. То же самое произошло ещё с несколькими облаками – они пропадали из-за моего взгляда. Но куда? Меня постигло ликование; не радость – ликование. Рассказать об этом – вновь не поверят, как я сам когда-то. Что же это? Наверное, на людей тоже так смотрят, только наоборот – с неба, и они исчезают. И никто этому не верит, пока сам не посмотрит в бинокль. Человек – прекрасный стрелок, если умеет сосредоточенно смотреть.

Три слова влево

*Если он действительно мудр,
он не пригласит вас в дом своей мудрости, а лишь
подведёт вас к порогу вашего собственного ума.
Халиль Джебран*

Когда начался бунт, он не решился его подавлять. Он понимал, что имеет власть, но не видел смысла использовать свои полномочия. К тому же и бунт был внутренним. В голове переворачивались детали жизни, отрывки идей и идеологий, куски изречений и краткие афоризмы. Истинно, истинно говорю вам: государство – это я. Откуда это взялось? Это точно было следствием начала бунта. Потом появилось что-то про рукописи и братское отношение к жизни. Очень не хотелось продолжать лежать на оттоманке, но и встать – не было сил. Тело тоже бунтует? На столе ожидали стопки книг и непроверенных тетрадей. Ещё нужно было готовить конспекты. На улице ветер разносил пух и порывами стучался в окно, напоминая порывы, которые во время штиля временами тревожат флюгер, предсказывая скорую бурю. Николай Петрович подумал, что ближе к вечеру пойдёт дождь. От дождя ему всегда становилось хуже, и поэтому нужно было сделать все дела до вечера. Но как? Всё суета планет и томление пуха, подумал он. Вперёд, вперёд, революционный народ – было следующей мыслью. Хотя бы что-то точное... Всё-таки

надо записаться к врачу, решил Николай Петрович. Это решение дало ему немного силы, и он сел на краю оттоманки. Голова закружилась. Момент заинтересовал Николая Петровича – не явятся ли во время головокружения какие-нибудь визуальные образы? Но нет, пронесло. Он дотянулся до телефона. Сей номер навевает много дум, мне прошлого невольно стало жалко – там, где сидел когда-то русский ум, сидит теперь табличка и флюгарка. Николай Петрович произнёс это вслух и ещё больше удивился своей памяти. Где-то она его обманывала, изменяла ему. Вот номера своего врача он уже не мог вспомнить. Пришлось открыть ящики прикроватной тумбы. Среди вырванных листов одиноко синел небольшой блокнот. Там Николай Петрович хранил номера, лениясь переносить их в телефон. Нерационально это было. Врача звали Пётр Николаевич – легко запомнить. Пётр Николаевич оказался недоволен новостями – он назначил срочную встречу своему пациенту на завтрашнее утро. Николай Петрович смог подойти к столу.

Позавтракав, Николай Петрович надел твидовое пальто и торопливо вышел на улицу. Вчера погода действительно испортилась, и теперь повсюду серебрились лужи. Город предвкушал тепло – это были дни воробьиных холодков, когда все ожидают прихода мая, поддаются объёмам солнца и душистому воздуху, смешанному с песчаной пылью, но в итоге заболевают из-за морозного и колкого ветра. Николай Петрович вновь забыл об этой опасности и шёл

нараспашку и без шарфа, и без шапки. Он в лакированных туфлях вступал в лужи, брызги пачкали брюки – он не замечал. Николай Петрович смотрел вперёд и иногда, как ему казалось, оглядывался назад. Точнее, не назад, а будто в себя – будто заглядывая в свой внутренний мир. Что там? Там фраза – не поворачивайте голову, иначе гугеноты решат, что вас убил диавол. Именно так – на старый манер. С длинными «и» и «а». То же самое, что и маниак. Что за слова такие, подумал Николай Петрович. Он решил отвлечься на архитектуру. Впереди золотился шпиль, слева были четыре трубы – четыре ноги слона, как Николаю Петровичу говорили в детстве. А вот и река. От слова «фонтан»? Он остановился на мосту и посмотрел на воду. В черноте был лик, похожий на Русь и поцелуй на морозе. Николай Петрович действительно почувствовал холод и всё-таки решил застегнуться. Я хочу счастливо жить, почти вслух сказал он и направился к больнице. Настроение у него было хорошим, сил много. Может быть, всего лишь недомогание из-за погоды? Зря сегодня он не пошёл на работу, тему сегодня должен был интереснейшую рассказывать – про Алексея Михайловича – а замена, как всегда, плохой будет. Бедные дети... Крестовый поход детей, приём, приём, бойня, план Шлиффена – до Вифлеема. Неужели опять, напугался Николай Петрович. Он постарался, чтобы подумать о том, о чём хочет думать он сам и подумал о махаонах. Это помогло. Размышлять о махаонах было всегда приятно и самое главное – как-то эсте-

тично. И, возможно, этично – ведь этика исходит от эстетики? Николай Петрович так и не вспомнил – он уже подошёл к входу в больницу.

Пётр Николаевич Смуров принимал на втором этаже – в просторном белом кабинете с окнами на двор и садик. Он приехал из Новгорода, но почему-то пытался это тщательно скрыть. Возможно, ему вредило воспоминание о метафизиках из Нижнего Новгорода. Сам он был из Великого. Николай Петрович стучался без очереди. Была у него такая прерогатива. Смуров, увидев знакомого, заулыбался. Он оставил записи, встал и пожал руку давнему пациенту. Они несколько раз встречались вне стен белого кабинета. Николай Петрович сразу объявил, что здоров.

– Как это? – удивился Смуров. – Зачем тогда пришли?

Николай Петрович объяснил ситуацию, рассказал про бунт. Он понял, что его рассказ носит странные оттенки, но Смуров все симптомы записал в тетрадь. Через шесть минут он сказал:

– Ну... Увы, всё подтвердилось. Всё сходится с вашими прошлыми данными на томографе. Это – афазия. Одно неясно – откуда и почему? У вас нет родственников с такой проблемой?

Николай Петрович был неприятно удивлён новым словом, но всё-таки скомканно рассказал свою родословную. Предположения разошлись. Смуров решил отпустить пациента и назначил ещё одно обследование на завтра. Уходя, Нико-

лай Петрович спросил:

– Школа... Могу преподавать? – ответ был утвердительным.

На следующий день Николай Петрович пришёл на работу за час до начала занятий. Ему очень хотелось вернуть упущенные уроки. Ещё прошлым вечером он составил масштабные планы, перечитал конспекты и нужные книги. Несмотря на бунтующие мысли, он интенсивно готовился. Зелёная лампа горела до двух часов ночи. В начале третьего явилась полноценная рекомендация: «В час, когда солнце войдёт в благоприятное созвездие, следует пригласить в чистое место брахмана, который знает эти церемонии и имеет благоприятные знаки». Сознание Николая Петровича досконально воспроизвело то, что он читал двадцать лет назад. После этих слов он решился лечь спать. Сон надо заслужить, в последний миг перед забвением подумал он. Кто плохо работал, тот плохо спит...

Дети пришли в девять. Никто не опоздал. Николай Петрович попросил всех встать и поздоровался с классом. Спросил, что задали на прошлом уроке, и был очень удивлён ответом. Оказалось, что дети перескочили уже на Петра Великого.

– Как? А Алексей? А Михаил? А век и бунт?

Дети не поняли. Сам Николай Петрович удивился своим словам – они не ладились, не поддавались желаемой обработке.

– Я сказать – про шестнадцать веков, век шестнадцать.

Николай Петрович испугался. Что это? Ещё вчера такого не было. Или он просто не говорил, а думал? В голове всё звучало правильно, созвучно. Мысль изречённая есть ложь, но не настолько. Интересно, что обычно шумные дети в этот раз молчали. Будто чувствовали внутренние процессы Николая Петровича и с удивлением ждали, что будет дальше. Последняя попытка:

– Говорить про царя, тишина, тишина.

Неудача. Некоторые дети что-то записали в тетрадь. Николай Петрович крикнул:

– Нет!

Он знал, что это не безумие, просто некая другая, нестрашная болезнь. Но глаза предали Николая Петровича, забегали дико и рьяно. Он сел за свой стол и стал что-то искать в ящиках, в бумагах. В голове звучало: чело к решётке хладной прилегло. Николай Петрович наконец нашёл пустой лист. Он решил записать фразы, которые ему нужно будет сказать. Записал: медный всадник. Ударил себя ладонью по лбу, зачеркнул написанное. Записал: медный бунт. Рядом поставил дату. В классе начались тихие разговоры. Николай Петрович, как предводитель восстания, поднял левую руку высоко в воздух. Он почти дописал нужную фразу, готовился её зачитать. Класс затих. Николай Петрович встал, подошёл к доске и медленно произнёс:

– Доброе утро, сегодня будем говорить про бунташный

век, я очень удивлён, что вы уже начали без меня Петра, поэтому нам придётся вернуться назад.

Он говорил, точнее, читал очень медленно, слитно – будто играл с легато на каком-нибудь инструменте. Дальше последовала самостоятельная работа. Николай Петрович раздал всем листы с заданиями – это был единственный выход, который очень тяготил Николая Петровича: он хотел сегодня рассказать новую тему.

На перемене он сделал больше заготовок – листов – с фразами. Пришли новые дети – старшеклассники. Он прочёл им заготовки, побоялся что-то добавить от себя и тоже раздал работы. Так прошли и все остальные уроки. После рабочего дня Николай Петрович заспешил домой, ни слова не сказал коллегам. Страшно было говорить. Вдруг опять – век и бунт. На улице была хорошая погода. Виват богу Ра, подумал Николай Петрович и ускорил шаг. Ему – уже самому, без бунта мыслей – захотелось почитать стихи. Он вспомнил странный отрывок: то Бог меня снегом занёс, то вьюга меня целовала. Вьюга всегда страшила Николая Петровича. Из тёмных переулков он вышел на светлую набережную. Солнце приятно слепило глаза Николаю Петровичу. Он подошёл к ограде и опять, как вчера днём, посмотрел на чернеющую воду.

Встреча

*Оригинальность – война мысли
с мыслями о повторе прошлого.*

– Мальчик, тебе плохо? Это твоя остановка.

Миша удивился, откуда спрашивающий знает, где ему выходить. Он ещё раз осмотрел его – это был точно не знакомый, не друг. Мужчина в тёплой одежде – в округлой куртке, в толстых штанах, с тяжёлым рюкзаком, вытягивающим его назад. В тёплой одежде и без шапки. На улице, как помнил Миша, было очень морозно – гулял кусающийся ветер, дороги и дорожки, тротуары и переходы были покрыты злым льдом. Злой лёд – он так и хочет тебя уронить. Миша придумал это ещё до школы, когда все требовали от него оригинальности. Лицо мужчины показалось генеральским, с элементами птичьего – острый нос, но храбрые глаза. Такие лица Миша видел на картинах в известном музее. Он посмотрел в окно – правда, дощатый забор сменился серым газоном, и автобус медленно подъезжал к небольшому дому в три окна. Это означало – финиш. Миша поторопился встать. После долгого дорожного сна у него закружилась голова, и показалось, что мужчина куда-то пропал. На самом деле он уже стоял у дверей – он вышел вместе с Мишей.

Они вместе пошли по узкой дорожке, отделённой от шос-

се тонкой стенкой снега. Миша шёл впереди и долго сдерживал себя, чтобы не оглянуться – рассматривал деревья, аккуратно и декоративно заваленные густым снегом, смотрел вперёд – впереди задымленное солнце приближалось к горизонту. Что-то восточное было в этом вечере... Нет – мужчина был по-прежнему за ним. Когда Миша оглянулся на него, он по-доброму улыбнулся и на мгновение остановился. Видимо, он подумал, что Миша хочет что-то сказать.

Так дошли они до булочной. Мише нужно было купить хлеб – он торопливо скрылся за тяжёлой дверью, а мужчина остался на улице. Выбор был небольшой, но Миша долго рассматривал и сравнивал цены, слушал разговоры других покупателей. Совершив покупку, он долго вглядывался в часы – было почти пять. Ещё пять минут, и можно выходить – вдруг повезёт. Мишу спросили, кого он ждёт – здесь его хорошо знали. Миша ответил, что греется. Он ведь действительно заодно и грелся – дорога была длинной, неуступчивый мороз уже успел сделать его пальцы красными камушками, а на ресницах развесить свои липкие венки. Дома знали, что в четверг он приходит поздно, он не торопился.

Миша попробовал подойти к окну – напрасно. Окна были завешены продуктовыми плакатами. Он храбро вышел на улицу – вокруг того мужчины столпились люди, многих из которых Миша знал. Мужчина поставил тяжёлый рюкзак на ступень, закурил сигарету и теперь что-то оживлённо рассказывал.

– Вот представьте – и даже свой не узнал. Родной, он маленький был.

Миша понял, что свой – это он. Он попытался достроить логическую цепь, но его позвали:

– Да вот же он, смотрите. Мишка, иди сюда!

Толпа расступилась. Мужчина радостно подошёл к Мише и обнял его. Потом поднял Мишу вместе с рюкзачком и хлебом в воздух и спросил:

– Узнал?

Миша тоже стал улыбаться. Когда его вернули на землю, он гордо пожал мужчине руку, и домой они пошли уже не друг за другом, а рядом, вместе.

Дома папа рассказывал истории. Его приходу все сначала обрадовались, а потом стали удивляться. Не ждали... Как такой путь большой совершил? Как сумел? Пускай теперь всё рассказывает. Миша слушал и старался не упускать слов. В историях было много оригинальностей, и он понял, откуда в нём самом эта черта – стремление к необычным выражениям и фразам. Когда почти все разошлись после чаепития, Миша тихо спросил у папы, что такое война.

– Не люби, Миша, войну. И не играй в неё даже. Война, Миша, – это как под лёд провалиться, когда течение бурное – раз, и смотришь на звёзды, если снега на льду нету.

Пожар

*Когда наступает ночь,
человек зажигает огонь.*

Гераклит

Из детства обычно остаётся много ярких воспоминаний. Хорошо, когда эти яркие воспоминания о ярком – ярком солнце, ярком свете... Потому что человек таким и вырастает – ярким.

Закат. Деревенский – дикий вдалеке и ухоженный вблизи. Ухоженный, уютный, так как задевает и окрашивает сад, клумбы, дорожки, грядки, – через окна долетает до стола, до пола, даже до кроватей. Дикий, потому что по-настоящему он где-то в полях, в синеющих – а при закате в краснеющих – лесах. Там, в этих полях, он – закат – имеет иной смысл. Там он означает опасность – дальше ночь. Ночь без дома – страшная ночь, особенно в этих густых, очень живых и диких лесах.

Марка каждое лето пугали лесом. Хотя ходили за ягодами и возвращались с полными корзинами – лес легко отдавал своё, – лес всё равно оставался местом страшным, безвозвратным. Уйдёшь туда, заблудишься, наступит тот самый дикий и далёкий закат, а ты слишком близко к нему – и погибнешь. Об этом, по крайней мере, говорили сказки, гово-

рили люди – в это легко верилось.

Зачем ребёнку уходить из дома? Из дома, где обитает деревенский уют – особые игры, особые слова, особые кушанья. Слова в деревенском уюте все мягкие – убаюкивающие, звучащие нараспев. Все игры – старинные, проверенные, интересные. Кушанья – только так, не иначе, все остальные слова о еде для зверей, – кушанья всегда тёплые, тоже старинные и тоже убаюкивающие, точнее – усыпляющие. Зачем ребёнку уходить из дома? Незачем.

Иногда идёшь по саду – всё яблочное. Деревья с яблоками, дороги в яблоках, аромат – яблочный. И тоже хочется стать частью праздника – можно взять яблоко – сорвать или поднять, без разницы, – встать и посмотреть вдаль. Посмотреть – на закат. И испугаться, а потом обрадоваться. Радость от того, что опасность далеко, а дом – близко. С Марком так было несколько раз. Он смотрел, созерцал, вглядывался – и вдруг срывался с места, бежал к дому, бежал и представлял, что за ним кто-то гонится. И так становилось хорошо, когда опасность оказывалась придуманной. Вечернее солнце – пропадало, закат – пропадал, выходили сумерки – за ними спешила ночь.

Каждый вечер в доме звучала молитва. Молитва тихая, почти бормотание, но так как вокруг было ещё тише – слова по звучанию, по зычности, по музыкальности своей приближались к церковному пению. Молитва читалась ещё и утром. Только утром звучало всё, и слова молитвы терялись, про-

падали – становились достоянием одного человека. Марк не умел молиться, но всегда слушал, изредка что-то повторял и всегда – засыпал. Вечер – ночь – молитва – сон. Но неужели так происходило везде? Везде – во всех домах, в деревнях, в городах – люди тихо молились и засыпали? В свои первые летние месяцы в деревне Марк думал именно так. Он знал, что происходит в городе ночью, но был уверен, что летом весь мир перестраивается на летний – молитвенный, священный – режим. Наступает покой. Только в последнее время к Марку стали являться сомнения – может быть иначе, есть иначе.

Его кровать была в дальнем углу большой комнаты. В дальнем, но совсем не диком, не одиноком – к нему всегда кто-то подходил, навещал. Марк всегда отчётливо слышал молитву. Было приятно ожидать последних гостей, которые придут в его угол и попрощаются с ним до утра. Они придут, затем – уже в другом углу комнаты – станут читать молитву. Такой был цикл.

Циклы, известно, могут нарушаться. В одну из июльских ночей деревенский цикл нарушился трезвоном, бегом, шумом. Зазвонил телефон. Марк ещё спал, во сне видел утро. К нему в угол забежали, растолкали – разбудили, сказали одеваться. Он подумал, что это – сон. Шаги ускорились, говорили уже не шёпотом. Оказалось – пожар. Горим? Горят. Другие дома – горят, так сказали Марку, и он сразу встал и оделся. Подошёл к окну – огня не видно. Под окном стоя-

ли люди с иконами – готовились ходить кругом, защищать. Марка – маленького ребёнка, маленького человека с большими от испуга и удивления глазами – взяли за руку. Взяли и повели на улицу.

Люди с иконами уже начали обход, было слышно – громко и отчётливо – молитву. Только ясно было, что после этой молитвы не наступит покой, сон. Читается эта молитва не для того, чтобы стало ещё лучше – жить, думать, спать – а для того, чтобы не стало ещё хуже. Чтобы огонь – далёкий ещё огонь – не перекинулся, не пришёл. Когда Марк подумал об этом, ему стало обидно. Кто позвал огонь? Кто сходил за ним в лес, к дикому закату и принёс его сюда? Но может быть, это выдумка? Марк ещё не видел огня, но чувствовал дым. Вдруг ему сказали идти. Его вновь взяли за руку и повели, как ему показалось, к огню.

Шли долго, а огня – пожара – всё не было. И запах дыма пропадал. На одном из поворотов сделали круг. Марк неожиданно увидел на другом конце деревни пятно – закат, огонь. И они пошли к этому пятну. Как же? Разве можно приближаться к далёкому закату? Марк был очень удивлён – что-то теперь разрушилось.

Горел одноэтажный дом, но пламя было – пятиэтажным, высоким, призванным высокими – высшими – силами, так казалось Марку. Вокруг пламени были люди – грелись, боялись, смотрели? Просто смотрели и были такими же, как Марк – силы были равны, огонь был сильнее – выше – всех.

Кто-то поливал водой вблизи стоящие здания – хлев и мастерскую. Поливал – давал жизнь – как цветам дают. Цветам: чтобы не увяли от солнца, без воды. Зданиям: чтобы не погибли без воды, от огня.

Огонь рос. Его языки – ещё больше, ещё страшнее – пытались захватить всё. Даже людей – зрителей, наблюдателей и – зрителей. Марк был зрителем – смотрел на чужой закат. Хозяева горящего дома были наблюдателями – даже созерцателями, – наблюдали за исчезновением их быта: как на блюде, видели своё горе. Смотрителем была ночь – постоянным зрителем, охранником мира, – но в этот раз она проглядела, стала как человек. Невнимательным человеком стала. Огонь рос. Марк думал, что скоро он всё-таки перекинется на хлев и мастерскую, а оттуда – на их дом. Марк знал, что дом далеко – он множество раз бегал к нему с того места, где они сейчас все стояли, – знал, но представлял, как огонь, съев два небольших здания, увеличит силы и пойдёт по деревне. По деревне, к лесу, к городу – в мир. И случится мировой пожар. Марк спросил у взрослых, как долго они будут тут стоять. Ему ответили, что недолго. А дальше? Спать уже невозможно, рассвет близко, день будет странным – если ночью случился пожар, не бывает прохладного утра. Без прохладного утра – духота. Духота забирает силы. Без сил нет игр, и останется ждать только нового заката (или пожара?), чтобы вновь выдумать страх и побежать скорее к дому, и этому обрадоваться. Остальное – безрадостно после такого.

Марк решил: почему бы сейчас так не побежать. Придумать испуг – и до дома, изо всех сил. Закат есть, дом есть, бег – будет. Бегу – побегу – быть. Зачем смотреть на чужое горе? Зачем быть зрителем? Марка за руку уже никто не держал. Кто-то разговаривал, кто-то подбирал раскиданные вещи. Ребёнок стал взрослым – увидел пожар, смерть, – и про него все забыли. Смерть дома, но всё же... Не пострадали люди, но пострадали их быт, хозяйство – жизнь. Марк придумал страх и побежал. Очень быстро, по мокрой траве – к дому.

Пока он бежал, к нему пришли мысли, что и его дома уже нет, что погибли все дома. В поле было темно. Были самые тёмные минуты ночи. Ещё немного и – возможно – где-то у горизонта задрожит рассвет. Марк был не уверен. Ни в чём не уверен, кроме того, что за ним кто-то бежит. Догоняет его почти, и хочет вернуть, а затем – поглотить.

До дома было далеко. Марк бежал длинным, безопасным путём. Он иссяк у места, где начиналось большое поле. Иссяк – и пошёл шагом. Ручей бежит, потом идёт, потом иссыхает, уходит в землю. Природность чувствовалась во всём. Марк не смог оценить возможности, которая перед ним открылась, – он оказался один ночью в деревне. Это была новая сила. Страшная сила – сила от страха, от придуманного испуга, от которого он так бежал.

Марк быстро вошёл в дом. Никого не было. Даже замка – не было: всё открыто. Марк вернулся в свой дальний угол,

разделся и вновь лёг. Уставший телом, взглядом, миром, ночью, людьми, руками, – уставший от, уставший до. До последней возможности человеческого удивления. Марк быстро уснул. Ему снился огонь.

Однокомнатное небо

Бесконечность надо праздновать...

Г. Лейбниц

С того дня, когда был задержан рейс в Ливан, у Красина началась новая жизнь. Он нашёл себя. Юрий Красин был очень производительным человеком – с института он не останавливался в работе. Он был богат. Ему нужно было срочно лететь в командировку, а случилось несчастье – задержали самолёт. Пришлось взять номер в гостинце – рядом. Окна номера выходили на аэропорт – были видны здания, взлётные полосы, люди и машины. Всё пело в консонансе – голосом нового общества. Красина что-то удивило, но он не мог понять, что.

На следующее утро он всё-таки улетел. Бейрут встретил его прожигающей чакрой – беспощадное солнце душило старинный город. Дела прошли хорошо, и только одно мучило Красина – тот номер. Он прогулялся по музеям, сумел встретиться с одним знакомым. И всё думал – комната, вечер, птицы и небо. Люди и птицы. Шум и небо. Сколько всего удивительно там было! После того, как Красин вернулся домой, увиделся с семьёй, проработал неделю, на выходных он снова снял номер в той гостинце. И стал ждать.

Вскоре это стало традицией. Красин очень любил ком-

нату в гостинице рядом с аэропортом. Она внушала ему всё больше спокойствия. Он стал понимать, насколько ему повезло. Повезло в особом смысле. Сейчас – кто-то летит, взлетает, приземляется, спешит, считает, носит, а он – он просто сидит у окна и смотрит на всю эту воздушную суету. Достигли люди неба – и что? Больше всего ему нравилось проводить здесь июньские ночи – они были особо светлыми, давали особые оттенки. Оттенки – важнейшая вещь для наблюдателя, они доводят картину до конца. Вот зимой скука, три оттенка – белый, серый и чёрный. Летом лучше – палитра богаче, можно выбирать, долго следить за изменениями. У каждой вещи свой оттенок, но живёт он отдельной жизнью. Белыми ночами Красин не спал – нельзя пропускать такие компоновки. Он ждал рассвета. В это время рассветы обычно туманные, вуалевые. Туман напоминает речку ранним утром или поздним вечером – речку чистую, на которой не стоит ни одна деревня. И детство в деревне туман напоминает, и радость какую-то беспричинную. Откуда была та радость, как её вернуть? Удивительно только, что в тумане речном и тумане городском нет разницы – всё одно, всё он окутывает, скрывает и заставляет блуждать. Сколько люди ходили в этом тумане?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.